

Алиса Градова

РАЗВОД

Цена моей свободы!

Алиса Градова

Развод. Цена моей свободы!

«Литнет»

2026

Градова А.

Развод. Цена моей свободы! / А. Градова — «Литнет», 2026

Вера годами работала на износ, вытягивая ипотеку и семейный бюджет, пока её муж Олег полгода сидел на диване в поисках «достойной должности». Во время приступа переутомления Вера попала в больницу и там узнала страшную правду. Пользуясь генеральной доверенностью, Олег и его мать заложили трёхкомнатную квартиру её пожилых родителей под грабительский процент. Все пять миллионов ушли на подготовку пышной свадьбы золовки. Когда Вера попыталась восстановить справедливость, муж жестоко поднял на неё руку. Но Вера отказалась быть жертвой. Прикинувшись покорной, она разработала изощренный план, который лишил семейство предателей всех денег прямо в день торжества и отправил мужа со свекровью на скамью подсудимых.

© Градова А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Цена семейного долга	5
Глава 2. Пробуждение и двойное предательство	8
Глава 3. Иллюзии умирают на полу	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Глава 1. Цена семейного долга

Цифры в таблице двоились. Вера моргнула, пытаясь сфокусировать зрение, но вместо чётких границ ячеек на экране монитора расплывалась серая, зыбкая муть. Она взглянула в правый нижний угол: часы безжалостно показывали 6:15.

Третья бессонная ночь за неделю. Она едва успела потерять переносицу, как над головой резко щёлкнул выключатель. Вспыхнувший свет кухонной лампы болезненным импульсом резанул по воспалённым, сухим глазам.

— Опять по клавишам долбишь?

Олег подошёл к холодильнику. Лениво почёсывая голую грудь, он с глухим стуком потянул на себя дверцу, заглянул внутрь и недовольно нахмурился:

— А где сыр?

— Я не успела зайти в магазин, — тихо, стараясь сохранять спокойствие, ответила Вера. — Вчера после офиса сразу села за аудит.

— То есть на завтрак у нас пустой чай? Отлично, блин.

Вера снова потёрла пальцы — они насквозь пропахли типографской краской чеков и старым, остывшим кофе.

— Купи сам. У тебя свободного времени весь день.

— Я на собеседование еду, вообще-то, к двум, — огрызнулся муж.

— Какое по счёту за эти полгода? Десятое?

Олег с силой хлопнул дверцей холодильника. Стекланные банки на полках внутри жалобно и тонко звякнули.

— Начинается! Я ищу нормальную, достойную должность, а не место мальчика на побегушках за тридцать тысяч. Я себя уважаю.

— Зато я себя не уважаю, — ровно ответила Вера, со щелчком закрывая крышку ноутбука. — Я веду бухгалтерию в трёх фирмах параллельно, чтобы нам было чем платить за ипотеку и за кредит, который твоя мать брала на ремонт своей дачи.

Экран её телефона на столе внезапно вспыхнул. На дисплее высветилось лицо улыбающейся Тамары Николаевны. Вера привычным движением сбросила вызов, но аппарат тут же зажёгся снова.

Олег навис над столом, буравя жену недовольным взглядом.

— Возьми трубку. Мама просто так в шесть утра звонить не будет.

Вера вздохнула, нажала зелёную кнопку и включила громкую связь.

— Верочка, ты почему трубку не берёшь? — бодрый голос свекрови зазвучал в тишине кухни без малейших скидок на ранний час.

— Здравствуйте, Тамара Николаевна. Я работаю.

— Все работают, не ты одна. Я по делу. Ты Лери деньги на косметолога перевела? У девочки запись на десять утра.

Вера медленно подняла глаза на мужа. Олег мгновенно отвёл взгляд и принялся увлечённо рассматривать блёклый рисунок на линолеуме.

— Какие деньги? — сухо спросила Вера.

— Сорок пять тысяч, — как само собой разумеющееся, отчеканила свекровь. — Контурная пластика и увлажнение. Вера, ну свадьба же через три недели! Жених из элиты, там такие родственники приедут... А наша Лерочка с обветренным ртом под венец пойдёт? Олег сказал, тебе вчера квартальную премию закрыли.

Вера почувствовала, как затылок медленно наливается свинцовой тяжестью. Каждая фраза отдавалась глухим ударом в висках.

— Эта премия отложена на платёж по ипотеке и на ваши же таблетки от давления, Тамара Николаевна. У меня нет лишних сорока пяти тысяч на чужие губы.

— Чужие?! — динамик буквально взвизгнул от возмущения. — Лера тебе не чужая! Она сестра твоего мужа! Если нет наличных, сними с кредитки. Ты же бухгалтер, перекинешь потом баланс как-нибудь, я в этом не разбираюсь. Олег, ты там? Возьми трубку у этой!

Олег молниеносно выхватил телефон со стола и торопливо ушёл в коридор. Из-за полу-прикрытой двери донеслось его приглушённое, заискивающее бубнение:

— Мам, ну успокойся... Да решу я, решу. Переведу.

Через минуту он вернулся на кухню. Лицо у него было красным, челюсти плотно сжаты.

— Ты специально её доводишь? У неё гипертония!

— Олег, у нас на карте осталось восемьдесят тысяч. Из них шестьдесят уйдёт банку послезавтра. Чем мы будем платить?

— Переведи Лере эти сорок пять.

— Нет.

Олег упёрся руками в стол, нависая над Верой и наклонившись к самому её лицу. От него пахло душным, несвежим сном и застарелым раздражением.

— Я сказал: переведи! Я займу у Игоря на ипотеку. Или ты со своей зарплаты добавишь — у тебя же ещё аванс в пятницу. Вер, это свадьба! Моя сестра выходит замуж один раз в жизни. Мы не можем выглядеть нищелюдами перед семьёй Артура.

— Мы и есть нищелюды, Олег, — Вера посмотрела ему прямо в глаза. — Потому что ты сидишь на диване полгода и ждёшь должность директора. А твоя сестра не работает с момента помолвки, потому что «устаёт» выбирать салфетки для банкета.

Олег резко выпрямился. Его лицо исказилось от злости.

— Какая же ты меркантильная, — выплюнул он, качая головой. — Тебе только цифры твои важны. Ни капли эмпатии, ни грамма заботы о близких. Сплошной эгоизм.

Он резко развернулся и ушёл в спальню, демонстративно хлопнув дверью.

К полудню душный офис насквозь пропах мокрой пылью и жжёным сахаром — кто-то в микроволновке передержал карамельный попкорн.

Вера сидела перед монитором. Под рёбрами медленно скручивался тугой, болезненный узел, кожа на лице неприятно стянулась, а во рту стоял стойкий привкус меди.

— Верка, ты зелёная совсем.

Марина, сидевшая за соседним столом, вздохнула и пододвинула к ней пластиковый стаканчик с водой.

— Выпей. На тебе лица нет.

— Сейчас, Марин... Только сводку для налоговой отправлю, — язык слушался плохо, слова получались вязкими и тяжёлыми.

— Иди домой, у тебя руки трясутся! Олеже твой не переломится, если ты один день просто поспишь.

— У Олежи собеседование... — механически ответила Вера, не отрывая взгляда от экрана.

Жёлтый фон ячеек в таблице вдруг начал ритмично пульсировать.

— Да плевать на его собеседование! Вер, ты себя загонишь. У тебя синяки под глазами чёрные. Ты когда ела последний раз?

— Вчера утром...

Вера попыталась потянуться к мышке, но пальцы вдруг онемели, став чужими и непослушными. Станный, липкий холод быстро пополз от шеи к затылку. В ушах резко, будто по щелчку выключателя, пропали все звуки офиса: исчез гул кондиционера, затихло щёлканье клавиатур, растворились чужие голоса за перегородкой. Остался только тяжёлый, глухой и нарастающий гул собственной крови.

— Вер... Эй!

Голос Марины донёлся словно из-под толщи воды. Пространство кабинета стремительно накренилось влево. Светлая кромка стола из ДСП рванулась навстречу.

Вера даже не успела выставить руки, чтобы смягчить падение. Острый, сухой треск удара кости о пластик, короткая вспышка боли в скуле — а затем наступила плотная темнота, сквозь которую прорвался истошный, панический крик коллеги:

— Скорую! Девочки, вызывайте скорую! Она не дышит!

Глава 2. Пробуждение и двойное предательство

Писк аппаратуры. В нос ударил густой, въедливый запах хлора и йода. Лицо стянуло жёсткой, саднящей коркой. Вера попыталась открыть глаза, но правое веко налилось свинцовой тяжестью и никак не поддавалось.

— Очнулась, работяга, — раздался глуховатый голос сбоку.

Пожилая медсестра в выцветшем хирургическом костюме поправляла пластиковый пакет на металлической стойке капельницы.

— Лежи, не дёргайся. У тебя сотрясение и истощение такое, что насквозь светишься. Третьи сутки у нас загораешь.

— Третьи... — язык намертво присох к нёбу. Звук вышел сухим, шелестящим, будто пересыпали песок.

— Ага. Коллега твоя скорую вызвала. Лицо ты об стол знатно приложила. Скулу шили.

Вера скосила здоровый глаз. На соседних койках копошились две женщины. На их тумбочках высились горы пакетов с яблоками, громоздились пластиковые контейнеры и стеклянные банки с домашним бульоном. На Вериной тумбочке стоял только казённый стакан с мутной водой и лежал её собственный выключенный телефон. Ни записок. Ни передач.

— Дайте зарядку... — с трудом ворочая языком, попросила она. — Пожалуйста.

Медсестра тяжело вздохнула, достала из кармана мятый белый провод и воткнула его в розетку над кроватью.

— Пять минут. Тебе покой нужен, а не в экран пялиться. Родственники твои тут не объявлялись, так что лежи спокойно.

Экран телефона мигнул и наконец засветился. Вера замерла, подсознательно ожидая каскада уведомлений, десятков пропущенных звонков от Олега, от свекрови, от Леры. Наверняка они обрывали телефон, искали её по больницам...

Аппарат коротко пискнул, загрузив пропущенные сообщения.

Олег, вторник, 14:20:

«Марина твоя звонила, сказала, ты в больнице. В какой? У меня собеседование сорвалось из-за вас. Я костюм не погладил».

Олег, среда, 10:15:

«Вер, куда ты пропала? На кухне кран потёк. Где разводной ключ? Мама спрашивает про деньги для Леры. Реши вопрос хоть откуда-нибудь».

Олег, четверг, 8:00:

«Ты там долго ещё прохлаждаться будешь? У нас продукты кончились. Переведи тысяч пять на карту».

Ни единого вопроса о диагнозе. Ни единой попытки узнать, жива ли она вообще.

Вера провела пальцем по холодному стеклу. Внутри не шевельнулась обида, не подступили слёзы. Вместо них под рёбрами медленно, ледяным пластом разрасталась тупая, тянущая пустота. Она открыла общий список чатов. Три пропущенных сообщения от мамы и одно от Светланы, бывшей однокурсницы, которая сейчас работала в их районном МФЦ.

Светлана, среда, 15:40:

«Верончик, привет. Твой Олег вчера приносил документы на выписку твоих родителей из их трёшки. Доверенность генеральная, всё по закону, я оформила. Но он так спешил, дёрганный какой-то... У вас всё ок? Набирай, как сможешь».

Воздух застрял на вдохе. Пульс отбил в груди сухой, неровный ритм. Пальцы сами, почти неосознанно, ткнули в диалог с матерью.

Мама, среда, 19:30:

«Верочка, Олег заезжал, сказал, тебя срочно отправили в Казань на аудит. Там телефон не ловит. Мы с папой подписали те бумаги, как ты просила. Олег объяснил, что это формальность для реструктуризации твоей ипотеки, надо временно выписаться. Папа переживает, куда мы теперь прописаны. Позвони, доченька».

Доверенность. Три месяца назад Вера сидела в душном коридоре у нотариуса и подписывала на Олега генеральную доверенность. Он клялся, что сам займётся бумажной волокитой с оформлением старой родительской дачи, чтобы освободить жене время для работы.

Они выписали её родителей из их единственной квартиры. Пока она лежала под капельницами, в отключке от дикого переутомления, оплачивая их долги.

Вера резко села на кровати. Флуоресцентный свет палаты мгновенно ударил по глазам, комната накренилась.

— Эй, куда подорвалась? — крикнула с соседней койки тучная женщина, роняя журнал. — Сестра!

Вера подцепила ногтями жёсткий край пластыря на сгибе локтя и резко рванула его на себя. Кожа неприятно натянулась, игла катетера вышла из вены, оставив крупную, быстро набухающую каплю тёмной крови. Вера вытерла её прямо о рукав больничной пижамы.

Дверь палаты распахнулась.

— Ты что творишь?! — медсестра бросилась к койке, на ходу перехватывая болтающуюся трубку капельницы. — А ну легла быстро!

— Дайте бланк отказа от госпитализации, — голос Веры прозвучал глухо и жёстко, без каких-либо вопросительных интонаций.

— Какой отказ? Врач не подпишет! Ты на ногах не стоишь, у тебя гемоглобин на дне!

В дверях появился дежурный врач — молодой мужчина с недовольным лицом.

— Что за шум? Больная, немедленно в постель.

— Я выписываюсь, — Вера спустила босые ноги на холодный линолеум. Тело казалось чужим, ватным, но голова работала с пугающей, кристальной чёткостью. — Несите бумагу. Я беру ответственность на себя.

— Вера Николаевна, вы понимаете, что рискуете здоровьем? У вас черепно-мозговая травма. Если вы сейчас выйдете за порог, последствия могут быть необратимыми.

— Если я сейчас не выйду за порог, у меня не останется ни здоровья, ни семьи.

Она посмотрела на врача так, что тот осёкся и молча кивнул медсестре на пост.

Через десять минут она натянула поверх тонкой больничной пижамы своё драповое пальто, которое санитарка достала из шкафа. Обула ботинки прямо на босую ногу, накинула капюшон, скрывая зашитую скулу и синяк, уродливой фиолетовой кляксой расплзшийся до самого уха.

Выйдя в промёрзший больничный коридор, она прижала телефон к уху.

— Такси на улицу Строителей, дом восемь, — произнесла она диспетчеру ровным, безэмоциональным голосом. — Подача срочная.

Такси остановилось у обшарпанной пятиэтажки. Вера отсчитала мелочь негнувшимися пальцами. Ветер моментально забрался под распахнутое пальто, ледяными иглами прошив тонкую ткань пижамы.

Дверь квартиры открыла мать. Лицо Нины Васильевны вытянулось и посерело, когда она увидела дочь — с фиолетово-жёлтой гематомой на пол-лица, с лихорадочным блеском в глазах и в чужих стоптанных ботинках на босую ногу.

— Господи... Верочка, что с тобой? Олег же сказал, ты в Казани! Тебя избили?!

— Пусти, мам.

Вера отодвинула её плечом, тяжело проходя в узкую прихожую. Из комнаты выглянул отец, опираясь на деревянную трость.

— Дочь, на тебе лица нет...

— Пап, неси документы. Всё, что вы подписали с Олегом в среду. Быстро.

Мать засуетилась, побежала к серванту. Руки у неё мелко тряслись, она никак не могла попасть ключом в стеклянную дверцу.

— Верочка, мы же как лучше хотели... Олег приехал такой дёрганный, бледный. Говорит, у тебя на работе крупный аудит сорвался, фирма подставляет на большие суммы. Сказал, нужно срочно вашу ипотеку перекрыть, а для этого — фиктивно выписаться из нашей квартиры, чтобы банк дал какую-то отсрочку...

Отец молча положил на клеёнку кухонного стола тонкую синюю папку. Вера открыла её. Буквы прыгали перед здоровым глазом.

«Договор залога недвижимости и расписка в получении денежных средств. Кредитор — микрофинансовая организация "Инвесткапитал". Сумма займа — 5 000 000 рублей. Процентная ставка — 48% годовых. В случае просрочки платежа более чем на 30 дней квартира переходит в собственность кредитора».

Внизу стояла размашистая подпись Олега на основании генеральной доверенности, выданной ею три месяца назад, и дрожащие подписи родителей о добровольном снятии с регистрационного учёта.

Они заложили родительскую трёшку. Единственное жильё пенсионеров под грабительский процент у конторы, которая выбивает долги паяльниками и утюгами.

— Мам, вы читали, что подписываете? — голос Веры прозвучал на удивление ровно. Никаких истерик — только ледяной сквозняк в грудной клетке.

— Так... Олег же торопил, — Нина Васильевна виновато заморгала, прижимая руки к груди. — Сказал, ты в истерике звонила, плакала, просила помочь. А там мелкий шрифт... У папы очки дома остались. Мы же семье помогаем... Верочка, а что там?

Вера закрыла папку.

— Ничего, мам. Всё нормально. Просто формальность.

Она не стала говорить, что через месяц к ним придут вышибать двери новые собственники. Достав из кармана телефон, она набрала Светлану из МФЦ. Гудки тянулись бесконечно долго.

— Света, скажи мне только одно, — произнесла Вера, как только на том конце сняли трубку. — Куда ушли деньги от «Инвесткапитала»? У них безналичный перевод был или налич?

Повисла короткая пауза. Слышно было, как Светлана нервно щёлкает ручкой на рабочем месте.

— Вер, я вообще-то не должна это говорить... По реквизитам перевод ушёл на счёт твоей свекрови, Тамары Николаевны. Вер, ты правда не знала? Олег сказал, вы срочно покупаете коммерческую недвижимость под твой новый бизнес...

— Спасибо, Света.

Вера нажала отбой. Пазл сложился с сухим, неприятным хрустом.

Пять миллионов. Счёт свекрови. Свадьба Леры в загородном шато, потому что жених Артур — сын местного депутата, и девочка должна войти в элиту достойно. Тамара Николаевна и Олег решили купить этот статус, расплатившись за него квартирой её родителей.

— Дочь, у тебя кровь из-под пластыря идёт, — отец шагнул к ней, протягивая чистое кухонное полотенце. — Давай скорую вызовем?

— Я из неё только что приехала, — Вера плотно прижала вафельную ткань к сгибу локтя. Ткань тут же расцвела крупным красным пятном. — Мне нужно домой. Вы никуда не выходите и никому не открывайте дверь. Олегу не звонить. Поняли?

— Поняли, — испуганно прошептала мать.

Глава 3. Иллюзии умирают на полу

Каждый шаг по обшарпа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.